

УДК 8:05
ББК Ш09:Ч612

Ирина Викторовна Ерофеева,
доктор филологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: irina-jour@yandex.ru

Свобода слова как концепт современного медиатекста

В статье представлен лингвокультурологический анализ концепта свобода слова, который встроен в актуальную канву доминирующих информационных потоков современных СМИ. Автор утверждает, что отношение к свободе слова в России обусловлено дихотомическим сознанием российского человека, объективированным в лексемах «свобода» и «воля».

На основе обширного эмпирического материала (более 100 медиатекстов) формулируется содержание концептуального поля конструкта. С учётом общего содержания, этимологии и истории концепта выделяются следующие фреймы: «свобода есть счастье», «свобода для – соборности и любви к другому человеку», «свобода от – есть ограничения: обязанность, порядок, уважение, истина», «свобода – путь/пространство, духовные усилия и выбор», «свобода как средство достижения высоких целей общества», «свобода, лишённая ограничений и ответственности, это проявление всеобъемлющего чувства воли». Дифференциация когнитивных структур свободы и воли позволяет продемонстрировать полярные культурные коды и различные проявления свободы слова в СМИ.

Ключевые слова: медиатекст, концепт, свобода слова, воля, национальная модель мира, дихотомическое сознание, репрезентация.

Irina Viktorovna Erofeeva,
Doctor of Philology, Professor,
Zabaikalsky State University
(Chita, Russia), e-mail: irina-jour@yandex.ru

Freedom of Speech as a Concept of Modern Media Text

The paper presents linguistic-culturological analysis of the concept 'freedom of speech' that is integrated into the dominant information flow of the modern mass media. The author states that in Russia attitude to freedom of speech is caused by dichotomous consciousness of a Russian man, objectified in lexemes *svoboda* and *volya*.

The content of a conceptual field of a construct is formulated based on the extensive empirical material (more than 100 media texts). The following frames are focused on taking into consideration the general content, etymology and the concept's history: '*svoboda* is happiness', '*svoboda* for – conciliarism and love to another person', '*svoboda* from – there are some restrictions: duty, order, respect, truth', '*svoboda* – way/space, moral efforts and choice', '*svoboda* as a means to high ends of a society', '*svoboda* without restrictions and responsibility is manifestation of a comprehensive sense of freedom'. Differentiation of the cognitive structures of *svoboda* and *volya* enables to demonstrate the polar codes and different expressions of freedom of speech in the mass media.

Keywords: media text, concept, freedom of speech, *volya*, national model of the world, dichotomous consciousness, representation.

В современном медиадискурсе концепт *свобода слова* – один из самых популярных и востребованных, его активно эксплуатируют как в политических, так и культурных коммуникациях. Сегодня свобода слова объявляется абсолютной ценностью, и мы всё более обеспокоены её отсутствием в нашей стране, в чём регулярно нас убеждают различные отечественные и зарубежные исследования. Так, согласно данным

международной организации «Репортёр без границ», опубликованным в декабре 2012 года, Россия занимает 142-е место из 179 по уровню развития свободы прессы.

Свобода слова является важнейшим правом человека, закреплённым в статье 29 Конституции РФ. Стандарты международной права легли в основу конституционной трактовки свободы слова, которая должна обеспечивать возможность публич-

но выражать своё мнение или убеждение в СМИ, на митингах, собраниях и т. п. Осново-полагающее личное право любого человека нашло отражение во Всеобщей декларации прав человека, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Свобода слова в СМИ – достаточно сложная, объёмная и неоднозначная тема, вбирающая многоцветье взглядов, разные ракурсы интерпретации и варианты решения, в первую очередь, политических проблем. Мы поставили перед собой задачу выявить возможные первопричины столь разительного воплощения свободы слова в медиатексте. Концептуализированная сфера данного конструкта демонстрирует коллективные знания, обусловленные историей России и приоритетами национального менталитета. Языковая личность автора медиатекста в процессе творчества репрезентирует ключевые смыслы конструкта, и, на наш взгляд, полярность позиций в сфере свободы слова в СМИ, несомненно, подкреплена духовным опытом российского человека.

Ядром указанного концептуального поля является сема «отсутствие внешних ограничений и стеснений в праве человека свободно выражать свои мысли» (см.: Ожегов, с. 693). В словарном и научном дискурсах дефиниция свободы слова распадается на утилитарную составляющую (когда свобода слова опирается на частную собственность и является следствием политической активности государства) и либеральную (когда акцент делается на естественном праве человека, на его объективной потребности и ценности свободы напрямую связана с этической стороной вопроса). Тем не менее, сфера понимания свободы слова, в том числе в её национальной специфике, пространна и не ограничена. Остановимся на ключевых для российской модели мира фреймах данного конструкта.

Для мировой цивилизации свобода слова есть *приоритетная ценность жизни*, важнейшая потребность свободного человека. В 1644 году английский поэт Д. Мильтон назвал свободу даром Божьим, сегодня мы её обозначаем как важнейшую потребность человека, являющуюся целью и условием подлинно человеческой жизни. Но, если в англоязычном мире свобода встроена в ассоциативный ряд с Правом, то в

русской ментальности она приближена к Счастью (Антология концептов. С. 181). Аналогично тому, как мы томительно ждём и предвкушаем счастливые мгновения нашей жизни, мы тоскуем и по свободе. Тоска по отсутствию в жизни ограничений – актуальное переживание для русича, «На свете счастья нет, но есть покой и воля», – точно заметило «солнце русской поэзии».

Сегодня часто артикулируется стереотип, что свободы у России не было, поэтому русский человек склонен жить в рабстве, он – несамостоятельное пассивное существо, стремящееся к подчинению, покорности или к анархии (ср.: А. Максимов: Русский народ – народ с трагической судьбой, в первую очередь потому, что ему никак не удавалось пожить в свободе. АИФ. 2008. № 17. С. 10). Исследователь русской цивилизации О. А. Платонов по этому поводу пишет: «среди бездн неправды и заблуждений, которыми окутана русская история, самыми лживыми, пожалуй, являются рассуждения о несвободе как отличительной черте русской жизни» (62, с. 101).

Крайние взгляды на свободу в родном Отечестве связаны с дихотомической формацией русской души, её неотъемлемым природным качеством. В основу нашего национального мировосприятия легли два противоположных начала: природная, языческая стихия и аскетизм монашеского православия. В слиянии двух источников – дерзкой воли и духовной свободы – спрятан кладезь наших желаний, мыслей и поступков. Паремнологический комплекс русского языка, повествующий о свободе и несвободе, принципиально двуполярен. Культ покорности, подчинения и кроткого смирения, как высших добродетелей, объективирован в паремиях: Что миром положено, так тому и быть, Что мир порядил, то Бог рассудил, Человек ходит – Бог водит; Чему быть, того не миновать; Никто от своего року не уйдет. Одновременно у нас есть другие пословицы и поговорки, воспевающие свободу: На бога уповай, да сам не плошай; Коли сам плох, так не даст и Бог; В поле своя воля; Чья сила – того и воля; Дан собаке мосол – хоть ешь, гложь, хоть вперёд положи; и др. Идеологическая модальность *свободы* в нашей национальной модели мира распростёрлась от «Послушание паче поста и молитвы» до «Смиренную собаку и кочет бьёт».

С. А. Глузман в своих исследованиях говорит о России как о ментальном пространстве, объединившем два мифа: западный миф Города и восточный миф Книги. Восточный человек Книги пассивен, он предпочитает действовать по указке сверху; напротив, в античном мифе Города человек свободен, ему не нужен поводырь и повелевающий голос извне [4].

Современная журналистика активно репрезентирует противоречивую модель. С одной стороны, она неистово не принимает любые формы цензуры и сопротивляется даже разумным законодательным поправкам (например, по поводу освещения террористических актов в СМИ); с другой стороны, артикулирует необходимость общественного контроля и правительственной заботы, что позволит оградить аудиторию и мораль граждан от таблоидной вольницы.

Дихотомические порывы русской души вербализируются в лексемах «свобода» и «воля», которые, несмотря на то, что позиционируют имя единого концепта, фокусируют различные культурные коды. Общее и разное данных когнитивных структур стало предметом исследования в работах Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Е. В. Урысон, А. Г. Лисицина и др. Слова «воля» и «свобода» принадлежат к древнему слою исконной лексики, но воля имеет индоевропейскую основу, а свобода – славянскую (подробнее: Антология. С. 34–35).

Категория свободы – достояние общечеловеческое. В России данное слово стало востребованным в XVIII в. вместе с развитием идей Просвещения, но оно явно конкурировало с более родной и близкой народу волей. С течением времени «свобода» стала краеугольным камнем общественно-политического тезауруса. Корневое ядро слова позволяет выстроить следующий лексический ряд: свобода – особенность – особа – сам/свой. Подобное личностное противопоставление подчёркивает логическое присутствие какой-либо общности/общества, в рамках которого свобода может быть соотносена, реализована, и человек вправе действовать по своей воле.

Свобода – категория не столько личностная, сколько общественная, она выражает состояние гражданина. Именно данная сема конструкта плодотворно легла на национальную почву. Преобразован-

ный в «свободу для соборности и любви к другому человеку», он отражает культ братства и коллективизма, которые испокон веков почитаемы в России. О. А. Платонов ассоциирует свободу с полнотой национального бытия во всём богатстве его проявления, это «пребывание, собравшись целиком», – отмечает исследователь [12, с. 104]. Спектр акцентов в концептуальном поле «свобода» в отечественной модели мира *смещён со сферы политики в сферу духа*. Мы 400 лет жили в режиме абсолютной монархии, ещё 70 – в тоталитарном государстве большевиков, и мы не изменяли своему предназначению и оставались ценителями своей свободы. «Просто-напросто тяжёлые испытания, доставшиеся на долю россиянина, научили его жертвовать своими личными правами во имя существования Российского государства», – пишет И. К. Пантин [11, с. 35]. Следствием особого русского пути стала свобода межличностных отношений (подробнее: Сергеева [14, с. 154]), в России актуальна неприязнь к условностям – тонкостям этикета, градируванному статусом человека и социальными барьерами, мы более ценим искренность взаимоотношений, нежели принадлежность к какому-либо классу.

В национальной модели мира русского человека свобода, в первую очередь, есть внутренняя свобода, которая идентична свободе духа. Отечественная литература и философия, противопоставляя мирское и духовное, постулировала «свободу в Боге» и связывала её с соблюдением божественных заповедей (Н. А. Бердяев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. С. Хомяков, М. П. Погодин, К. С. Аксаков и др.). «Русский человек на протяжении своей культурной и естественной истории, – пишет С. А. Глузман, – искал не свободы, но смысла [4, с. 264]. Времена меняются, а ключевая сема «духовности свободы, её внутреннего смыслового содержания» остаётся неизменной. В современном медиатексте свобода репрезентирована как высочайшая добродетель: свобода без добра – это зло (НГ, 2012, 20 августа); нравственность – это свобода, высота свободы, ценность свободы, религия свободы, во имя веры и свободы, между свободой и вседозволенностью (здесь и далее выборка: Российская газета, Независимая газета, Комсомольская Правда, АиФ. 2010–2013).

История отечественной классической журналистики развивалась по тем же законам национального мировидения, когда именно истина способна сделать автора действительно свободным. Начиная с публицистики XVI в. (Максим Грек, митрополит Даниил, Иван Пересветов и др.), актуальный текст был ориентирован на глубокую саморефлексию, на постановку смыслопорождающих вопросов: «почему смятенна душа, а жизнь создана «кровью убогих»?; «кто мы»?; «откуда пошли?»; и «что нас ждёт в этом мире завтра?». В свободной журналистике, как в зеркале, отражается внутреннее богатство автора: его мужество, стойкость, честность, умение понимать и любить, различать добро и зло. Ежегодно наши журналисты побеждают в конкурсе на Премию Артёма Боровика «Честь. Мужество. Мастерство».

Ценностные потребности коммуникатора и мотивация подобной свободы превращают её в действие. «Свобода, как отвлечённая категория, создаёт условия для волеизъявления и практического действия», – отмечает Б. Я. Мисонжников [9, с. 99]. И в данном контексте ещё одна черта российской модели мира – русское правдоискательство – оттеняет некоторые грани интерпретации общечеловеческой категории «свобода». Поиск правды, истины и своего пути – внутренняя духовная доминанта русской национальной личности, что подтверждают многочисленные паремии: Кто за правду горой, тот истинный герой; На правду нет суда; За правду Бог и добрые люди; Не в силе Бог, а в правде; Правда – свет разума; Без правды веку не изживёшь; и т. д. Европейская манера индивидуалистической культуры «не замечать» российскому человеку непонятна, для него дело чести вмешаться и изменить ситуацию, ведь бездействие расценивается как знак трусости, равнодушия и эгоизма.

Наш человек ощущает себя странником на жизненном пути, испещрённом взлётами и падениями, дорог много, свобода выбора – ответственна и томительна, но шаг вперёд или назад сделать необходимо.

В русле идей национальной философии Мераб Мамардашвили пишет: «Отец заповедовал нам вечную жизнь и свободу. То есть обязал нас к вечной жизни и свободе. Мы

вечны, если живы, и нужно идти к тому, что в принципе нельзя знать. А на это способны только свободные существа. И само это движение есть проявление свободы» (с. 257).

В современном медиатексте ассоциативно-семантическая сеть свободы аккумулярована вокруг фрейма «свобода – это путь/ пространство, духовные усилия и выбор»: завоевания свободы, бороться за свободу, отстаивать свободу, свобода выбора, / туннель свободы, лабиринт свободы и т. д.

Тяжёлая путь-дорога испытывает не столько тело, сколько душу, которая в России существует в безграничной свободе пространства. Перед ней открываются дали, и «нет очерченного горизонта перед духовными её очами» (Н. Бердяев). Путь свободного человека – универсальный символ судьбы и самореализации, сопряжённый с неизбежными усилиями самоопределения. Не случайно свобода в информационном пространстве ассоциируется со стихией (воздух свободы, голос свободы, ветер свободы) и многоцветием чувств (горькая на вкус свобода, сладкое чувство свободы, головокружение от свободы и т. д.).

Духовно-общественное ядро конструкта «свобода», определило актуальность фрейма «свобода от...». Идеологическая модальность свободы ставит данное слово в один ассоциативный ряд с конструктами: обязанность, порядок, уважение и др. Свобода – это «возможность проявления своей воли на основе осознания законов природы и общества» (Антология, с. 37), ею нельзя злоупотреблять. Чтобы свобода волеизъявления не обернулась хаосом, необходимо её упорядочить определёнными условиями, которые позволят мыслить и действовать в соответствии со своими желаниями и правами окружающих людей. *Свобода невозможна без ограничений*, и то и другое – парное единство, необходимое взаимодополнение.

Смысловое развёртывание данного фрейма активно представлено в СМИ. В современном медиатексте свобода позиционируется как ограниченное пространство: территория свободы, свобода от греха, свобода совести, цена свободы и т. д. Законодательство и судебная практика выработали систему ограничений свободы слова. Уголовный кодекс, Закон о СМИ, Этический

кодекс журналиста утверждают необходимость уважения прав и репутации других лиц, не допускают пропаганду и агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть, вражду или превосходство. Ограничение свободы выступает необходимой гарантией нерушимости личного пространства человека, оно охраняет права и свободу желаний каждого: «моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека» или «разрешено всё, что не мешает другим».

Свобода ограничена и правом собственности на ресурс, позволяющий передавать информацию. Свобода слова напрямую связана с возможностью транслировать и получать медиапродукт (подробнее см: Свобода сло.).

Ещё один фрейм концептуализированной сферы «свобода» органично вписался в национальную философию бытия русского человека, особенность темпоральной картины мира которого заключается в исключительной концентрации на будущем. Наш соотечественник живёт не столько сегодня, сколько верит в завтра, он устремлён в будущее, питая его надеждами и мечтами о благополучии. Дело в том, что свобода не является самоцелью, она – средство, вспомогательная ценность для достижения высочайших целей и благ. Свобода служит и жертвует собой на пути к идеалу, Мы ощущаем себя истинно свободными лишь в процессе достижения общих целей (А. Н. Уайтхед). Борьба за свободу слова, питаемая русским духом коллективизма, перерастает в консервативное отстаивание интересов большинства, что влечёт за собой игнорирование внимания к исключительности индивидуальных позиций.

Свобода, будучи категорией социальной, подразумевает *ответственность* перед обществом за содеянное и сказанное. «Истинная свобода заключена в сердце» (Ж. Руссо) свободного журналиста, способного выражать свои мысли и суждения независимо, но с чувством ответственности за слово. «Нет свободы без нравственной ответственности», – цитируют в заголовке Митрополита Кирилла «Аргументы и Факты» (22 августа. 2008). Когда же свобода и ответственность оказываются на разных

полюсах, естественно рождаются отрицательные коннотации, обрамляющие вербальную репрезентацию данной ситуации: свобода по расчёту, свобода как гаджет (Выборка: Российская газета, АиФ. 2012).

Но более мощный отрицательный психоэстетический фон, как правило, связан с сугубо национальным конструктом «воля». В отличие от универсальной и общепсихологической свободы, *воля* окрашена в народный колорит и трудно переводима на другие языки. Лексема имеет индоевропейские корни [1, с. 34–35] и означает процесс свободного – без стеснений и ограничений – абсолютного волеизъявления, это уже не состояние, а всеобъемлющее чувство. В словаре Владимира Даля «воля» стоит в одном лексическом ряду с «властью» и «силой»: «свобода – своя воля, простор, возможность действовать по-своему, без неволи, рабства и подчинения чужой воли». Воля – категория личностная, связанная с устремлениями и потребностями конкретного человека, она противостоит общественной свободе, лексическая макроструктура концепта вбирает семы: велеть, желание, хотение, независимость, самостоятельность. Именно данные значения объективированы в пространстве современного медиатекста: политическая, последняя воля; воля к жизни; моя/его воля, народная воля, политическая воля, воля президента, воля случая (н-р: «Мисс Москва получила корону вопреки воле любимого». Комсомольская Правда. 2012. 17 июля). Воля способна быть разной по интенсивности и качеству (н-р, в медиатексте: сильная/слабая воля, негибкая, добрая воля и т. д.), но она всегда имеет исконную привлекательность для русского человека: Своя волюшка – раздолюшка; Кто живет на воле, тот спит подоле.

Воля выросла из широкой русской натуры, души пространной и свободной. Активность воли распространяется на все сферы жизни человека, от политики до личного бытия. Газеты первых лет Советской власти активно эксплуатировали данную лексему: «Вольное слово», «Вольный дискуссионный листок», «Вольная воля», «Вольная община», «Вольница». Современные издания в атмосфере не табуированной свободы слова выбирают иной тип вольницы:

«Полезны нам покой и воля – чуть табака, чуть алкоголя» (Комсомольская Правда. 2011. 16 октября).

Семантический и коннотативный ореол воли исторически обусловлен. Известно, что казачество («вольное казачье братство») возникло как результат бегства смелых и предприимчивых людей от притеснений государства на волю и свободу (подробнее см.: Сергеева [14, с. 154]). Источником освоения грандиозных пространств России было страстное желание независимости. Люди бежали за свободой в леса и степи, чтобы быть хозяевами своей жизни и земли, быть вольными как птица: «Птица не сеет, не жнёт, а вольно живёт».

Символическим релевантом воли стала неумная разрушительная стихия – разгул, когда душа разворачивается, и человек существует по своим собственным законам, когда нарушение общественных запретов и норм доставляет высшую степень наслаждения. Озверевшая кровопролитная воля permanently царствовала на Руси: смуты, Разин, Пугачёв, 1917 год и др. На пути утверждения «народной воли» нет правых и виноватых, есть всепоглощающий вихрь разрушения, «бунт бессмысленный и беспощадный», столь парадоксально-привлекательный для русского человека: «Весь мир до основанья мы разрушим...».

Воля аккумулирует желание ускользнуть от произвола власти, она демонстрирует пренебрежение к закону, антиправовой уклон русской культуры закреплён в паремиях: «До Бога высоко – до царя далеко», «Не пойман – не вор». Фрейм «воля не равна закону» питает информационное пространство современных таблоидных СМИ, свободных от нравственных табу и запретов и ориентированных на психоматериальные ценности. Текстовое развёртывание конструкта «воля» осуществляется в традиционном ментальном поле: в сфере сексуального и агрессивного инстинктов, а также атмосфере безответственности ввиду одержимости желанием своеволия.

Тем не менее, в дихотомическом сознании российского человека бунтарство

граничит с крайней формой духовной распущенности – разнузданностью и оно осуждается: Дай себе волю – найдёшь лихую долю; Волю дать – добра не видать; Дай сердцу волю, заведёт тебя в неволю; Жить на воле – умереть в чистом поле; Дай чёрту волю, живьём проглотит; Воля и добрую жену портит; Воля велика, да тюрьма крепка и др.

Свобода слова, ассоциированная с волей, как правило, связана с усилиями по привлечению внимания искушённой аудитории, с использованием технологий, активизирующих чувственную сферу человека. Техническое своеволие лишено смысла и когнитивного содержания, оно держит человеческий интеллект в заданных параметрах и не способствует трансляции истинной свободы. Если я знаю массу вариантов: чем кормить мою кошку, что и кто сегодня в тренде, как сделать волосы шелковистыми, а себя привлекательным для противоположного пола, то я ещё не обладаю свободой выбора, и свободу духа как корреляты свободы слова мне СМИ не предоставили.

«Две великие опасности грозят человеческой свободе, – писал И. Ильин, – во-первых, недооценка свободы, ведущая к легкомысленному отречению от нее; и, во-вторых, злоупотребление свободой, ведущее к разочарованию в ней и утрате её» [5, с. 371]. В лабиринтах своеволия, освобождаясь от смыслов, норм и запретов, мы становимся всё более зависимыми от нравственного беспредела и хаоса.

Чтобы русская воля обрела черты свободы, необходимо её тотальное напряжение, воля может быть одухотворена, наполнена высшим национальным смыслом, и тогда она действительно способна быть номинирована как свобода слова.

Тем не менее, одно остаётся безусловным: и свобода, и воля составляют корневые семы нашей национальной традиции, которые склонны к неоднозначному синтезу ментальной плоскости и её многогранному медиауплощению в современных СМИ.

Список литературы

1. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стренина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.
3. Булгаков С. Н. Христианский социализм. Споры о судьбах России. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. 350 с.
4. Глузман С. А. Ментальное пространство России. СПб.: Алетейя, 2010. 332 с.
5. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
6. Корконосенко С. Г., Кудрявцева М. Е., Слуцкий П. А. Свобода личности в массовой коммуникации / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. 308 с.
7. Лисицын А. Г. Анализ концепта свобода – воля – вольность в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 259 с.
8. Мамардашвили М. К. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.
9. Мисонжников Б. Я. Свобода СМИ: основания практического императива // Журналистика в мире политики: гуманистическое измерение: материалы секционного заседания конф. «Дни петербургской философии-2006» / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 2007. 204 с.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН; Российский фонд культуры. 3-е изд., стер. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
11. Пантин И. К. Национальный менталитет и история России // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 22–36.
12. Платонов О. А. Русская цивилизация. М.: Роман-газета, 1995.
13. Розанов В. В. Опавшие листья. М.: АСТ, 2001. 592 с.
14. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. 6-е изд. М.: Флинта; Наука, 2008. 320 с.

References

1. Antologija konceptov / pod red. V. I. Karasika, I. A. Strenina. M.: Gnozis, 2007. 512 s.
2. Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii. M.: Sovetskij pisatel', 1990. 346 s.
3. Bulgakov S. N. Hristianskij socializm. Spory o sud'bah Rossii. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1991. 350 s.
4. Gluzman S. A. Mental'noe prostranstvo Rossii. SPb.: Aletejja, 2010. 332 s.
5. Il'in I. A. Put' k ochevidnosti. M.: Respublika, 1993. 431 s.
6. Korkonosenko S. G., Kudrjavceva M. E., Sluckij P. A. Svoboda lichnosti v massovoj kommunikacii / pod red. S. G. Korkonosenko. SPb.: Izd-vo SPbGJeTU «LJeTI», 2010. 308 s.
7. Lisicyan A. G. Analiz koncepta svoboda – volja – vol'nost' v russkom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1995. 259 s.
8. Mamardashvili M. K. Moj opyt netipichen. SPb.: Azbuka, 2000. 400 s.
9. Misonzhnikov B. Ja. Svoboda SMI: osnovanija prakticheskogo imperativa // Zhurnalistika v mire po-litiki: humanisticheskoe izmerenie: materialy sekcionnogo zasedanija konf. «Dni peterburgskoj filosofii-2006» / red.-sost. S. G. Korkonosenko. SPb., 2007. 204 s.
10. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovij slovar' russkogo jazyka / Rossijskaja AN; Rossijskij fond kul'tury. 3-e izd., ster. M.: AZ##, 1996. 928 s.
11. Pantin I. K. Nacional'nyj mentalitet i istorija Rossii // Voprosy filosofii. 1994. № 1. S. 22–36.
12. Platonov O. A. Russkaja civilizacija. M.: Roman-gazeta, 1995.
13. Rozanov V. V. Opavshie list'ja. M.: AST, 2001. 592 s.
14. Sergeeva A. V. Russkie: stereotipy povedenija, tradicii, mental'nost'. 6-e izd. M.: Flinta; Nauka, 2008. 320 s.

Статья поступила в редакцию 14.01.2013